

MILHIST

INFO

История военного дела: исследования и источники

Специальный выпуск IV

СМОЛЕНСКИЕ ВОЙНЫ XV-XVII ВВ.

ЧАСТЬ II

Санкт-Петербург

2017

ББК 63.3(0)5 УДК 94

Редакция журнала:

К.В. Нагорный

В.В. Пенской

А.Н. Лобин

Редакционная коллегия:

кандидат исторических наук О.В. Ковтунова

кандидат исторических наук А.Н. Лобин

кандидат исторических наук Д.Н. Меншиков

кандидат исторических наук Е.И. Юркевич

Ph.D. Eman M. Vovsi

История военного дела: исследования и источники. — 2017. — Специальный выпуск. IV. Смоленские войны XV-XVII вв. — Ч. II. [Электронный ресурс] <http://www.milhist.info/spec_4>

© www.milhist.info

© Курбатов О.А.

MILHIST

INFO

Курбатов О.А. Мероприятия русского правительства по обороне Смоленска в 1654-1667 гг.

Статья представляет собой обзор мероприятий русского командования и правительства в целом по усилению обороноспособности Смоленска после его взятия в 1654 году. Отдельно рассмотрены политика в отношении «присяжных» жителей города, включая шляхту, а также состояние воинской группировки, которая на разных этапах защищала Смоленск от польско-литовских войск.

Ссылка для размещения в Интернете:

http://www.milhist.info/2017/07/03/kyrbatov_7

Ссылка для печатных изданий:

Курбатов О.А. Мероприятия русского правительства по обороне Смоленска в 1654-1667гг. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2017. — Специальный выпуск IV. Смоленские войны XV-XVII вв. — Ч. II. — С. 290-301 <http://www.milhist.info/2017/07/03/kyrbatov_7> (03.07.2017).

www.milhist.info

2017

О.А. Курбатов

МЕРОПРИЯТИЯ
РУССКОГО
ПРАВИТЕЛЬСТВА
ПО ОБОРОНЕ
СМОЛЕНСКА

В 1654–1667 гг.

В отечественной и зарубежной (в первую очередь — польской) историографии существует ряд работ, посвященных описанию борьбы за Смоленск в первой половине XVII в., в том числе и осады города в 1654 году. Однако дальнейшая судьба города и главным образом его роль в русско-польской войне 1654–1667 гг. до сих пор не становились предметом специального рассмотрения. Вместе с тем совокупность исследований, изучающих дипломатический аспект данного конфликта, показала, что возвращение Смоленска и его удержание в составе Русского государства являлось важнейшей задачей правительства, от которой оно не смело отказаться даже в момент острейшего кризиса 1660–1661 гг. Фонды Российского государственного архива древних актов, прежде всего документы Разрядного приказа, позволяют понять, как на практике выглядел весь комплекс военно-оборонительных мероприятий Смоленской крепости и уезда в целом.

Можно выделить основные моменты:

1. Постоянное содержание мощной группировки войск, основной задачей которых являлась оборона Смоленского уезда, несение караула по стенам и башням крепости.
2. Строгий контроль за «присяжным» населением Смоленска и уезда: за шляхтой, а также за мещанами, грунтовыми казаками, крестьянами и т.п.
3. Инженерные работы по ремонту и усилению укреплений Смоленска.

Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 15-01-00464 «Обряд войны: воинские традиции и обычаи в Московской Руси XVI – XVII вв.»

Хронологически этапы становления и развития смоленской группировки русской армии тесно связаны с общим ходом военно-политических событий и боевых действий на театрах русско-польской войны, в первую очередь — на литовском направлении. Здесь выделяются три основных военных периода и четвертый, итоговый — послевоенный.

1 этап: с конца 1654 по 1656 гг., когда Смоленск являлся основной базой главной русской армии, время Второго и Третьего Государевых походов Алексея Михайловича (на Вильну и на Ригу).

2 этап: 1657–1660 гг., период Виленского перемирия и восстания «*белорусского полковника*» Ивана Нечая. Смоленск становится центром целой сети солдатских гарнизонов от Смоленского уезда до Могилева, Борисова и Полоцка.

3 этап: 1661–1667 гг., когда польско-литовские войска приблизились к самим границам Смоленского уезда и город стал местом сосредоточения особой мощной группировки русских войск.

4 этап: 1669–1680 гг., перевод ратных людей на мирное положение ради удешевления их содержания, оформление особого Смоленского «разряда» (военно-территориального округа).

Инженерные работы

Насколько важной задачей являлось скорейшее приведение смоленских укреплений в обороноспособное состояние, показывает эпизод с выговором смоленскому воеводе, ближнему боярину князю Ивану Никитичу Хованскому: «*Прислана твоя государева грамота ко мне, холопу твоему, с кручиною, что будто я, холоп твой, зделал безумие, что рва не копал*». Уникальность ситуации — в самом моменте, когда этот выговор был сделан: произошло это 11 сентября 1655 г. Царь уже месяц как находился в столице Великого княжества Литовского Вильне, это был момент наивысшего триумфа русского оружия, литовской армии практически не существовало... А воеводу Смоленска тем не менее торопили с продолжением инженерных работ, чтобы закончить важнейшую их часть к зимнему времени.

Согласно отчету кн. Хованского, работы по устройству «*большого*» рва начались еще при предыдущем воеводе, боярине и оружнике Г.Г. Пушкине. В этих целях он затребовал присылки уездных крестьян не только Смоленского, но еще и Бельского, Мстиславского,

Оршанского, Дубровенского, Горского, Копысского и Шкловского уездов. Однако военное разорение и нехватка чиновников для «высылки» ограничили возможности тамошних воевод, и только в августе — сентябре 1655 г. в Смоленске появились «посошные люди» из шляхетских маетностей Смоленского и Бельского уездов. Несмотря на это, 16 августа 1655 г. начались работы по устройству рва «от Малаховских ворот в длину мало не до Королевского пролomu», шириной в 10 сажень, а в глубину от трех до пяти, в зависимости от грунта. С подходом полка вятских солдат и других отрядов 9 сентября работы продолжились по другую сторону от Малаховских ворот (протяженностью от «разбитой башни» до «Четвероугольной башни» на 180 сажень). Далее за «Четвероугольной башней» «...пришел боярак к городской стене блиско», который простирался вдоль городской стены до самого Днепра и исключал возможность создания рва. В начале октября работы пришлось прекратить из-за «великих дождей»¹.

Помимо этих чисто фортификационных сооружений боярин был озабочен возведением «государевых хором» внутри города, а также деревянной церкви на Малаховских воротах (в частности, 5 сентября спрашивал о ее размерах и о том, делать ли ее шатровой)². Можно предположить, что и в дальнейшем подобные работы продолжали вестись, благо Смоленск обладал многочисленным солдатским гарнизоном, а воевода имел административный ресурс для сбора «посошных людей» из крестьян Смоленского и других близлежащих уездов.

Что касается «присяжного населения» Смоленска и уезда, правительство применяло к нему разные подходы. При сдаче крепости все, кто пожелал, ушли в Литву, но при этом они потеряли свои маетности. Шляхта и грунтовые казаки были зачислены на службу, и уже в декабре 1654 г. царь планировал использовать эти части в местных боевых операциях. Однако слухи об их возможной измене заставили провести показательные репрессии. Менее знатные и неимущие воины трех грунтовых и боярской панцирной хоругвей (700 человек с семьями) в январе 1655 г. были внезапно отправлены в Москву, а оттуда их перевели на Закамскую оборонительную черту. В то же время «присяжный» отряд смоленских гайдуков — пешего гарнизона крепости — был преобразован в городской стрелецкий приказ и переведен на вечное жительство в Холмогоры: еще в начале XVIII в. один из солдатских

гарнизонных полков в Архангельске (из бывших стрельцов) носил название «*гайдуцкого*». Смоленская шляхта осталась на местах, но воевода Пушкин получил недвусмысленное указание: при подозрении «...какой наглой измены или дурна большова» первым изрубить мятежников, но не допустить захвата ими Смоленска³.

В то же время, кроме политики «кнута», царь не забывал и о «пряниках»: уже на следующий день после своего вторичного прибытия в Смоленск, 1 апреля 1655 г., на именины своей супруги царицы Марии Ильиничны, он устроил торжественный прием в Столовой избе, «...а у стола велел Государь быть боярам и окольничим, всем без мест, да смоленской шляхте»⁴. Через полтора года, по возвращении из-под Риги, после литургии в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы (21 ноября 1656 г.), царь снова дал пир в «...своей искони государевой вотчине» — Смоленске. К столу были приглашены герои Виленских переговоров: стольник князь Яков Никитич Одоевский (сын руководителя русской делегации), дьяки и сотенные головы из охраны послов. Переговоры были завершены принципиальным согласием польских «комиссаров» избрать Алексея Михайловича польским королем. На пиру были и посланник от королевских комиссаров Ян Корсак, и вся смоленская шляхта⁵.

Уже к началу Второго государева похода (1655 г.) смоленская шляхта получила устойчивую организацию: три конных роты (свыше 350 чел.) во главе с ротмистрами и поручиками из знатных и опытных бойцов, таких как князь Петр Друцкий-Соколинский, Данила Гурка и Денис Швейковский. Впоследствии к ним добавился небольшой отряд новоприборных грунтовых казаков конной службы (40–50 чел.) во главе с ротмистром. Во внутренних делах шляхтой ведал избранный ими «судья» пан Галимонт, который сам не ходил в походы, выставляя вместо себя даточных. С русской стороны доверенным лицом царя в отношениях со смолянами стал дьяк Григорий Богданов, который даже женил своего брата на знатной смоленской шляхтянке. Боевые качества шляхетских отрядов из Смоленска были образцовыми, Патрик Гордон вообще характеризовал их как лучшую кавалерию в рядах русской армии. Они приняли активное участие в «дальних» походах русской армии под Вильну, Ригу, а в 1661 г. ходили на Украину под Нежин.

При этом отношение этих воинов к царской власти будет точным назвать диссидентским. Так, в период новых побед русского оружия (декабрь 1659 г.)⁶ смоленский воевода кн. Б.А. Репнин писал: *«Да и шляхты бы хотя б малая часть убавить, потому что ей никакой правды нет, никакой радости не ради, все темными лицами ходят. А коли к нам Великого государя грамоты радосные ни приходят, как Господь Бог подает ему, Великому государю, победы на враги, и мы той шляхты к соборной церкви не дозовемся: которой и придет, и тот темным лицом. А Галимонт и при мне говорил самые непристойные дела, и я на него шумел болишим шумом, а оскорбить гораздо не смел без государева указа. А знатное то дело, что и у многих на мысле недоброе. А которая шляхта нарочетая, и оне и сами говорят про свою братью, только тайным обычаем, а знатно то, што боятца от них же»*⁷.

Эмоциональный совет своего «ближнего боярина» царь Алексей Михайлович принял к сведению, и отныне в моменты опасности Смоленску со стороны противника тезис об «убавке шляхты» из города стал служить руководством к действию. Самые решительные меры к «присяжным» жителям Смоленска царь применил в конце 1663 г., когда на западных рубежах России под началом польского короля Яна Казимира собрались все польско-литовские силы и татарская орда. Воеводе кн. Ф.Ф. Куракину была поставлена задача «перобрать» мещан, выслав большую их часть с семьями в русские города, а шляхту с челядью целиком отправить в войско кн. Ю.Н. Барятинского. В итоге в городе осталось: 21 чел. отставной шляхты; 229 чел. челяди; 142 чел. мещан с племянниками (*«Целовальников у приему денежной казны и хлебного и винного и таможенного и кабацкого збору, и мастеровых всяких людей серебряников, слесарей, кузнецов, бронников, рымарей, котельников, гончаров»*), да 216 чел. осталось в загородных слободах Смоленска⁸.

Таким образом, правительству удалось добиться того, что внутри крепостных стен на одного смолянина приходилось по 6–7 русских ратников, что исключало даже теоретическую вероятность успеха их мятежа в случае измены. Впрочем, и тут царь не стал забывать о «пряниках»: 13 января 1664 г. дьяк Григорий Богданов сказал шляхте в Смоленске милостивое государево слово и передал, что царь, *«...видя их прямую и верную к себе, Великому государю, службу и раденье,*

пожаловал их: от Смоленска для своей государской службы в дальние полки посылать не указал, а указал им быть на своей государеве службе в полках у бояр и воевод, которые бояре и воеводы будут з государевыми ратными людьми для всякого береженья Смоленска города и иных городов и уездов, которые города от Смоленска не в дальних местех»⁹. Тем не менее, это означало лишь освобождение от «посылок» на Украину: весь 1664 год смоленская шляхта и казаки усиливали полк Новгородского разряда (кн. И. А. Хованского, затем кн. П. А. Долгорукова) и действовали под Витебском, Полоцком и Дисной. Летом 1664 г. смоленским жителям разрешили вернуться домой.

Русский гарнизон крепости

Следует отметить, что эта группировка была одним из самых технически оснащенных соединений русской армии, обучением солдат здесь ведали высшие иноземные офицеры полков «нового строя»: в 1654–1660 гг. это были генерал Аврам Лесли и полковник Ефим Франзбеков, затем генерал Томас Далиель и генерал-поручик Вилим Дромонт. Кроме того, в крепости постоянно находились приказы московских стрельцов, а в 1660-х гг. — «*шкvadроны*» (батальоны) и «*тысячи*» Первого московского выборного полка солдатского строя Аггея Шепелева.

На их фоне сословные части, поселенные в слободах при крепости, выглядели поначалу на удивление скромно: два приказа смоленских стрельцов в 1660–1663 гг. насчитывали всего около 700 чел., да вместе с ними проживал отряд донских казаков (до 300 чел.)¹⁰. В разгар восстания Ивана Нечая правительство создало в Смоленском уезде противовес конной смоленской шляхте в виде пяти сотен русских помещиков: по указу от 21 февраля 1659 г. из пустующих маетностей получили поместья новики из русских детей боярских, которые составили 5-ротный полк смоленских рейтар¹¹.

В военное время (1654–1667 гг.) недостаток постоянного гарнизона покрывался солдатскими полками, дислоцированными в Смоленске. Поначалу это были новобранцы из даточных людей, которых еще надо было обучать: вятские солдаты в 1655 г., в июне 1656 г. из 2000 чел. солдат «*ясачных*» народностей (чуваши, черемиса, мордва) 1000 отправили в Рижский поход, 600 в гарнизон Могилева, а 400 (включая 60 русских людей) оставили в Смоленске⁷.

Но уже в мае 1656 г. половина из 30-ротного генеральского полка Аврама Лесли (4800 чел.) под командой полковника Фаренсбаха (Ефима Франзбекова) была сознательно оставлена в крепости, тогда как другая половина двинулась на Ригу. Затем уже оба полка, Лесли и Франзбекова, разместились в Смоленске и ближайших городках¹³; третьим полком гарнизона стал полк Данилы Краферта. Впрочем, в течение 1657 г., когда действовало перемирие с поляками и имелись большие надежды на заключение мира, значительная часть этих солдат бежала по домам; кроме того, от одной до нескольких сотен лучших, отборных («выборных») солдат из каждого полка было переведено в *«Государев выборный полк солдатского строя»*, базирующийся в Москве. Наконец, 500 солдат из смоленского гарнизона было отправлено в Борисов, а 249 чел. — в Могилев.

В итоге, когда в начале 1658 г. гарнизонные полки, стоявшие в Смоленске и по городам Великого княжества Литовского, вновь выступили в поход к Вильне, их численность оказалась крайне низкой. Самый многочисленный полк — А. Лесли — насчитывал 1063 чел.; полк Е. Франзбекова — 603 чел., полк Д. Краферта — 653 чел. (в т.ч. 52 чел. в Горках); помимо этого, отдельные команды оставались в гарнизонах небольших укреплений. Не лучше обстояли дела в других крепостях, где полки сократились до 500–600 бойцов. Смоленский воевода князь П. А. Долгоруков дополнил полк Краферта до 1000 рядовых (за счет солдат Франзбекова) и отправил его к Вильне 5 февраля 1658 г., а сам сообщил в Москву, *«...что у них в полках солдат мало и города обнять неким»*¹⁴. Тем не менее кардинальное решение о новом общероссийском наборе в солдатскую службу, то есть в первую очередь в Смоленск и города Литвы¹⁵ — правительство приняло только осенью 1658 г., когда меры по розыску и высылке в полки беглых и отпускных солдат не принесли желаемого результата, а война с Польшей вспыхнула с новой силой. По указу от 13 ноября 1658 г. было собрано 18 000 *«даточных»* людей с церковных и помещичьих земель, по норме с 25 дворов по человеку¹⁶; уже вскоре эти новоприборные солдаты поступили в том числе и в гарнизон Смоленска, усилив старые полки. Достаточно сказать, что к весне 1659 г. только *«первая генералова рота»* полка Лесли достигла 300 человек, или вдвое-втрое выше обычной численности¹⁷. Солдаты из смоленского гарнизона в 1659 г.

приняли участие в осадах Мстиславля и Старого Быхова, действуя тремя отрядами: частью полка Д. Краферта, «*шкwadронами*» (батальонами) полуполковников Иван Шварта и Ивана Лесли¹⁸. Интересно, что немалую долю в смоленском гарнизоне продолжали составлять даточные люди из «*черемисы*» (марийцев).

Следует отметить, что Смоленск превратился в главную операционную базу русской армии в Литве, в «*казенных амбарах*» города годами собиралось вооружение, снаряжение, боеприпасы, артиллерийские орудия, даже речные суда в количестве, необходимом для обеспечения крупных армий. Так, в апреле 1658 г. полк комарицких драгун¹⁹ Ивана Мевса, следовавший из Севска на службу в Полоцк, должен был получить в Смоленске по 600 мушкетов с кремневыми замками и лядунок²⁰ (патронных сумок), 1000 «*копеец полушишных*»²¹, две фурмы для литья пуль, 20 алебард сержантам и 20 кожаных мешков каптенармусам (для пороха и пуль)²². Всего через три месяца в другой драгунский полк (Якова Урвина) потребовалось из смоленских запасов уже 650 подобных комплектов²³. Что касается боеприпасов, то в июле 1660 г. в Смоленске хранилось 2947 пудов пороха и 3424 пуда фитиля (для фитильных мушкетов), и эти запасы стабильно пополнялись Москвой²⁴. Кроме того, в том же году смоленский воевода кн. Б. А. Репнин, имея царский указ «*...во всем искать прибыли*» государю, возродил разоренную железную рудню в Каспленской волости, а также вновь наладил производство селитры («*селитренное варение*»), которым занимались смоленские пушкарки литовской службы²⁵.

После поражения войск кн. И. А. Хованского при Полонке (18 июня 1660 г.) польско-литовские войска вновь вышли на линию Днепра, и в Смоленске был объявлен сбор армии кн. Ю. А. Долгорукова. Согласно его отчету, в течение сентября 1660 г. он взял из смоленской «казны» 35 орудий с боеприпасами (в т.ч. одну мортиру), более 2000 пудов пороха, 208 пудов свинца, почти 2000 пудов фитиля и множество других припасов. Из арсенала ратники получили сотни новых карабинов, пистолей, мушкетов с банделерами и даже железные доспехи: 593 «*латы*» (кирасы) и 316 шишаков. Драгуны и солдаты приняли в свои «*обозы*» 1700 «*спис долгих*»²⁶ и копейца на 3900 полупик, что позволило им полностью прикрыть периметр своего построения «*рогатками*» в битве на р. Басе 26 сентября 1660 г. (чем они сильно

поразили противников-поляков). Таким образом, в Смоленске имелись обширные помещения для подобного рода припасов, а также необходимые кадры для их производства и содержания в готовности и порядке.

К 1660 г. в Смоленске находилось уже два генерала: Аврам Лесли, сохраняя старшинство, оставался за старостью в крепости, тогда как в «*посылки*» стал выступать солдатский полк под началом генерал-поручика Вилима Дромонта; Данила Краферт был отправлен на Украину. Смоленским солдатам приходилось не только оборонять периметр крепости, но и содержать посты в городах уезда: 1452 чел. из обоих полков находилось в Смоленске, 40 чел. в Дубровне, 85 чел. в Орше, 102 чел. в Копыси, 221 чел. в Рославле, 95 чел. в Больших Горах и Малых Горках, и т.д.²⁷ В начале 1663 г. после кончины «*старого генерала*», как называли Лесли, произошла перестановка кадров. Главным, или полным генералом стал шотландец Томас Далиель (из полоцкого гарнизона) с полком в 2086 чел., за ним по старшинству следовал генерал-поручик Вилим Дромонт (826 чел.). Третий полк (415 чел. и 537 солдат бывшего гарнизона г. Борисова) возглавил Вилим Брюс — отец будущего российского генерал-фельдцейхмейстера. Помимо Смоленска, две шквадроны смоленских солдат (1000 чел.) в это время держали оборону Старого Быхова (до февраля 1664 г.), а отдельные роты находились в Рославле, Белой, Велиже, Красном селе и Досугове²⁸.

С 1660 г. помимо пехоты в Смоленске на постоянной основе стали собираться конные «*сотни*» — отряды из дворян московских чинов и из четко определенных уездов, что положило начало так называемому «*Смоленскому разряду*» (военно-территориальному округу). Сотенную конницу усиливали рейтарские полки. В отличие от смоленской шляхты и рейтар, эти ратные люди «*полковой службы*» не подчинялись городовому или «*осадному*» воеводе Смоленска, а входили в состав «*полка*», то есть полевой армии, которая отвечала за смоленское направление.

Солдатские полки, расположенные в Смоленске, подчинялись русским воеводам, причем каждый раз определялось, кто из генералов и полковников состоит в команде «осадного» воеводы, а кто — в полевой армии при смоленской крепости. Но подчас, как в XVIII веке, генералы получали в команду по несколько солдатских и рейтарских полков,

впрочем, не на постоянной основе. Иногда это вызывало конфликты между русскими воеводами, не привыкшими к какой-то самостоятельности иноземных офицеров, и своенравными шотландцами. В частности, замечательно экспрессивную записку о *«генералове промысле»* Вилима Дромонта составил кн. Юрий Никитич Барятинский, раздраженный его неподчинением в разгар боев под Смоленском и в Северной земле в конце 1663 г.: *«А сторожи он, генерал, ставил конные около Смоленска за Молоховскими вороты на Есеновой и дале Есеновой, и стояла сторожа в день и в ночь, и уведев, Государь, то поляки, что нестройно ставит: ночью ворота запрут, а сторожи стоят за городом, — и поляки, пришед, те сторожи секли и имали, а утить было им некуда, и от того твоим Великому государя ратным людем чинилась поруха великая...»*, и т.п.²⁹

С окончанием боевых действий против Польши (1667 г.) перед правительством встала задача удешевить содержание действующей армии. Важное место в этих реформах отводилось Смоленскому разряду, который не утратил своего стратегического значения. В 1669 г. было определено содержать в Смоленске 2 солдатских и рейтарский полки; шляхта сводилась в единый полк полковника Д. Швейковского, грунтовые казаки — в шквдрону полуполковника Михаила Лицкина; помимо двух смоленских приказов в городе на *«годовых»* службах сменялись по два московских стрелецких приказа. В 1673 г. рейтарский полк был сокращен с 10- до 5-ротного состава, грунтовые казаки объединились со шляхтой в полк Швейковского, а солдаты ряда полков составили 8 смоленских стрелецких приказов³⁰. Отметим, что эти войска приняли участие в войнах с Османской империей и Крымским ханством в 1670–1700-х гг., а шляхта даже отличилась в боях против повстанцев Степана Разина (1670 г.). Важную, еще не вполне оцененную роль сыграли войска Смоленского разряда в первые годы Великой Северной войны (1700–1721 гг.), когда сыновья и внуки смоленских солдат вернулись на территорию Речи Посполитой уже в качестве союзников в общей борьбе против Швеции.

Ссылки

¹ Российский государственный архив древних актов (далее — РГА-ДА). Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 164. Л. 266–268.

² Там же. Л. 430.

³ Записки отделения русской и славянской археологии императорского Русского археологического общества.— СПб., 1861.— Т. 2.— С. 724; РГАДА. Ф. 27. Приказ Тайных дел. Оп. 1. № 100. Л. 22, 23.

⁴ Дворцовые разряды.— СПб., 1852.— Т. 3 (1645–1676).— Стб. 469.

⁵ Дополнения к тому 3 дворцовых разрядов.— СПб., 1854.— Стб. 84.

⁶ Документ был передан из Тайного приказа в Разрядный 5 января 1660 г.

⁷ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 443. Л. 441, 442.

⁸ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 518. Л. 91.

⁹ Там же. Л. 86.

¹⁰ Акты Московского государства, изданные Императорской Академией Наук.— СПб., 1901.— Т. 3. Разрядный приказ. Московский стол. 1660–1664 (далее — АМГ).— С. 106 (№ 110); Веселовский С. Б. Сметы военных сил Московского государства 1661–1663.— М., 1911.— С. 27, 29.

¹¹ Полное собрание законов Российской империи.— СПб., 1830.— Т. 1.— С. 483 (№ 246).

¹² РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 276. Л. 72–75.

¹³ Курбатов О. А. Организация и боевые качества русской пехоты «нового строя» накануне и в ходе русско-шведской войны 1656–58 гг. // Архив русской истории.— М., 2007.— Вып. 8.— С. 157–197.

¹⁴РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 870. Л. 127–157.

¹⁵На Украине и в Прибалтике действовали солдатские и драгунские части, которые комплектовались за счет местных ресурсов Белгородского и Новгородского разрядов.

¹⁶Дополнения к Актам историческим. Т. 8.— СПб., 1862.— С. 119–120; Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв.— М., 1954.— С. 144.

¹⁷РГАДА. Ф. 210. Смотренные списки. № 24. Л. 246–256.

¹⁸Там же. Л. 215–256.

¹⁹Драгуны — в XVII в. род войск, который сражался в пешем солдатском строю, но в походе передвигался верхом.

²⁰Лядунка — патронная сумка для бумажных патронов.

²¹Каждый драгун имел одну или две «полупики» или копья длиной 1,4–1,8 м., с кованными наконечниками («копейцами») с обоих концов, которые можно было воткнуть в землю с наклоном вперед для защиты от вражеской конницы. Кроме того, из них составляли «надолбы» или «рогатки», продевая полупики в отверстия поперечного бруса. На складе хранились и выдавались в полки лишь кованые наконечники, тогда как древки для полупик делали сами драгуны уже в походе.

²²РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 870. Л. 513.

²³Там же. Л. 603 а. («650 мушкетов с замками добрых, 650 шпаг с перевезьми, 20 алебард» (либо бердышей), «2 фурмы, 650 лядунок» (либо столько же «банделеров с поцепки и с перевезьми»), «1300 копеец полупишных, 20 мехов кожаных, 8 гротиков» (знаменных наверхий)).

²⁴АМГ.— Т. 3.— С. 114 (№ 118).

²⁵Там же.— С. 77, 78 (№ 76).

²⁶«Списы долгие» — пики для вооружения пеших копейщиков-пикинеров, длиной около 5 метров.

²⁷АМГ.— Т. 3.— С. 105, 106 (№ 111).

²⁸Веселовский С. Б. Сметы военных сил Московского государства 1661–1663.— М., 1911.— С. 14, 15.

²⁹РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 518. Л. 25.

³⁰Чернов А. В. Строительство вооруженных сил Русского государства в XVII веке (до Петра I). Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук.— М., 1949.— С. 949–961.